

О шакалах и хомячках

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Аналитическая записка № 193

ПОНАРС Евразия

Май 2012

Вячеслав Морозов

Тартуский университет

Выступая на митинге своих сторонников на пике избирательной кампании 2007–08 годов, президент Владимир Путин так отозвался о своих оппонентах:

Им нужно слабое, больное государство, им нужно дезорганизованное, дезориентированное, разделенное общество, чтобы за его спиной обдирать свои делишки ... [Н]аходятся еще внутри страны те, кто «шакалят» у иностранных посольств, рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не поддержку своего собственного народа.

Фраза «шакалят у посольств» быстро вошла в поговорку наряду со многими другими сочными жаргонизмами, которыми российский лидер прославился со времени прихода в публичную политику в 1999 году. Многие в России, в особенности активисты НГО и лидеры «внесистемной» оппозиции, приняли эту фразу на свой счет. Вероятно, они были оскорблены, огорчены и даже напуганы, поскольку выпад Путина со всей очевидностью обозначил общее антилиберальное направление эволюции российской политики в конце его второго президентского срока. Однако напрямую задетые этими словами составляли лишь незначительное меньшинство населения. Большая часть россиян, даже из числа противников Путина, твердо верила, что в противостоянии между «своими» и «чужими», которое в столь резких выражениях описывал президент, находится среди «своих». В выступлении намеренно создавался карикатурный образ врага, что позволяло

усилить антагонизм и гарантировать консолидацию вокруг национального лидера.

На московском митинге против фальсификации выборов 5 декабря 2011 года один из лидеров оппозиции Алексей Навальный следующим образом ответил на нападки со стороны проправительственных деятелей:

Они могут называть нас микроблоггерами, сетевыми хомячками. Я сетевой хомячок, и я перегрызу глотку этим скотам!

На этот раз уничижительная кличка, придуманная в прокремлевских кругах, превратилась для сторонников оппозиции в инструмент конструирования собственной идентичности. Люди, иронически называвшие себя «хомячками», решительно заявляли о том, что больше не считают себя «своими» для путинского правительства. Более того, когда Владимир Путин презрительно назвал белые ленты — один из символов движения за честные выборы — «презервативами», это вызвало волну возмущения и внесло значительный вклад в политическую мобилизацию противников режима.

Грубоватая риторика Путина, без сомнения, продолжает воздействовать на значительную часть населения. Свидетельством этому могут служить, в частности, результаты президентских выборов марта 2012 года. Большинство экспертов согласны в том, что даже без откровенных фальсификаций Путин победил бы со значительным перевесом. Однако многие либерально настроенные граждане, которые прежде и не подумали бы принимать его инвективы на свой счет, сегодня с готовностью объявляют себя противниками режима. Такая готовность к открытому противостоянию властям отражает довольно важный аспект недавних политических перемен в России.

Новизна ситуации состоит прежде всего в том, что оппозиция сегодня считает себя вправе выступать от имени всего российского народа. Это наблюдение заставляет поставить ряд вопросов, ответы на которые необходимы для всесторонней оценки перспектив российской демократизации.

Именем народа

Очевидно, что сегодня разделительные линии в российской политике проходят иначе, чем год или два назад. Граница между «своими» и «чужими» прежде отделяла российскую нацию как единое целое от всего остального мира, и в особенности от Запада с его экспансионизмом и интервенционизмом, от террористов и прочих заклятых врагов России. Официальная пропаганда систематически подвергала остракизму либералов-западников, которых объявляли «пятой колонной» и изображали горсткой активистов, не представляющей никаких социальных групп внутри российского общества, даже меньшинств. Это облегчало национальную консолидацию за счет вытеснения демократической оппозиции из публичного пространства.

Сегодня общество, напротив, расколото. На одной стороне находится «партия жуликов и воров» — характеристика, придуманная Навальным для «Единой России» в феврале 2011 года и с тех пор взятая на вооружение широким спектром оппозиционных партий и движений. От сил, находящихся по другую сторону, уже невозможно просто отмахнуться, назвав их маргиналами и

марионетками Запада. Мощный сдвиг глубинных пластов российской политической системы в последние два года привел к тому, что оппозиционеры теперь имеют все основания претендовать на роль представителей всей российской нации. Именно такая претензия была заявлена участниками декабрьских протестов 2011 года, выдвинувшими лозунг «Мы не оппозиция, мы народ!».

Под этим смелым лозунгом готово выступить значительно число граждан, которые опираются в своей оппозиционной деятельности на сети взаимной поддержки и обмена информацией (как в виртуальном пространстве, так и в реальном мире). Все это обеспечивает противникам Путина ощущение психологического комфорта, которое в конструктивистской литературе принято связывать с понятием «онтологической безопасности». Этот термин характеризует способность людей придавать смысл своему существованию и поступкам за счет позитивных эмоций и опыта, которые они разделяют со своими согражданами. Коротко говоря, степень онтологической безопасности определяется тем, насколько мы уверены в собственной идентичности, ценности своей жизни и социальном статусе. Для маргинального оппозиционного активиста, выступающего за абстрактные нормы, чуждые его собственному окружению, характерен крайне низкий уровень онтологической безопасности. Даже глубокая вера в те или иные принципы и поддержка из-за рубежа помогают вынести роль изгоя лишь самым непреклонным идеалистам. Возможность поделиться мнением с тысячами единомышленников, даже если все вместе мы находимся в меньшинстве, кардинальным образом повышает уровень онтологической безопасности.

В этом свете становится понятным, почему в ходе недавних протестов имел место выплеск творческой энергии, который перехватил центральные мотивы официальной пропаганды, выставил их на посмешище и в конечном итоге обратил против властей. Помимо прямых возражений в ответ на обвинения со стороны режима, участники протестов зачастую иронически принимали ярлыки, которые им навешивали официальные политтехнологи. Вслед за Навальным они называли себя «сетевыми хомячками», а в ответ на неуместную шутку Путина принесли на следующую демонстрацию огромные воздушные шары в форме презервативов. Когда премьер-министр обвинил госсекретаря Соединенных Штатов Хиллари Клинтон в том, что она «дала сигнал» к началу протестов, которые опирались на поддержку, в том числе и финансовую, со стороны США, демонстранты вышли с плакатами, вопрошающими: “Hillary, Where’s my money?” Стоило Путину назвать оппозиционных активистов «бандерлогами», как в ответ он получил от Дмитрия Быкова, автора сатирической серии «Гражданин поэт», прозвище «удав Пуу» (с очевидной отсылкой все к той же «Книге джунглей» Редьярда Киплинга и ее персонажу – удаву Каа).

Такой праздник иронии возможен лишь при условии, что каждый из демонстрантов уверен в своем праве выступать против властей от имени всего народа. Эти выступления резко контрастируют с малочисленными – и выдержанными в гораздо более суровом стиле – протестами предшествующего десятилетия.

Необходимые вопросы

Радикальные перемены в практиках репрезентации народа на российской политической сцене могут быть выявлены методами дискурс-анализа — то есть путем изучения политической риторики, с помощью которой различные политические силы формулируют свои требования. Ответы на другие, также весьма существенные, вопросы могут быть найдены лишь с помощью углубленных социологических исследований. Эти вопросы, имеющие решающее значение для будущей демократизации российской политической системы, обсуждаются в заключительной части данной аналитической записки.

Во-первых, с точки зрения политики репрезентации факт смещение разделительных линий действительно не вызывает сомнений. Но имел ли место в последние пять или десять лет столь же масштабный рост числа оппозиционно настроенных граждан? Оппозиция может теперь легитимно выступать от имени народа, но очевидно, что легитимность оппозиционной репрезентации, как и любой другой, опирается на фикцию — на воображаемое существование «народной воли» как эмпирической данности, выражающей себя в конкретных политических требованиях, якобы разделяемых всеми членами данной нации. На деле же в любом обществе всегда имеются разногласия. В России все еще много людей, искренне поддерживающих Путина и «Единую Россию» — более того, вероятно, эти люди находятся в большинстве. Недавние протесты показали, что притязание режима на роль единственного представителя народа было политической фикцией — но это всегда было очевидно для любого непредвзятого наблюдателя.

Иными словами, пока не ясно, стала ли новая политическая ситуация результатом перемен в политических симпатиях большого числа людей, целых социальных слоев, или всего лишь следствием более эффективной коммуникации между противниками режима, которая привела к более интенсивной политической мобилизации. Не исключено, что путинская риторика никогда и не действовала на большинство тех, кто участвовал в протестах 2011–12 годов. Возможно даже, что активизация протестов была вызвана не объективным ухудшением положения тех или иных групп, а лишь тем, что у них сегодня больше возможностей поделиться своими проблемами и недовольством с единомышленниками. Роль новых технологий, и в особенности виртуальных социальных сетей, в этом случае становится главным фактором политических трансформаций и требует серьезного изучения.

Во-вторых, крайне важно понять, кого именно оппозиционеры сегодня считают «своими» и как эта разделительная линия может переместиться в будущем. Тактика Путина до настоящего времени состояла в том, чтобы связывать протесты с вмешательством внешних сил и постоянно пугать своих сторонников призраком «оранжевой революции». В конечном итоге, однако, такой подход может принести противоположные результаты. Вполне можно представить себе ситуацию, в которой либеральная оппозиция начнет идентифицировать себя с «оранжевыми» ценностями (а может быть даже с «арабской весной»). Тот, кто на собственном опыте успел убедиться в ложности доносящихся из Кремля утверждений о финансировании протестов из-за океана, может прийти к логичному выводу о несостоятельности точно таких же конспирологических объяснений событий в Грузии, Украине, Киргизии и арабских странах. Напротив,

образ народа, поднимающегося в защиту свободы, может стать мощной мобилизующей силой.

Пока это не может считаться наиболее вероятным сценарием, но если он все же реализуется, это будет означать дальнейшие фундаментальные перемены в российской политике. Помимо прочего, в этом случае Запад вероятнее всего будет выглядеть в глазах россиян уже не враждебной экспансионистской силой, а необходимым союзником в борьбе против коррумпированного режима. Смене модели идентификации будет способствовать тот факт, что Россия видит себя прежде всего европейской страной и что социальная рыночная экономика в духе западных образцов все еще вызывает симпатии у большей части населения.

Однако возможно также, что новые разделительные линии приведут к консолидации гораздо более замкнутого политического сообщества, сплоченного идеей русского этнонационализма. В этом случае образ «врага народа» будет включать не только коррумпированную партию власти, но и мигрантов-«инородцев», а также Запад. Такое сочетание уже не выглядит парадоксальным – на самом деле оно уже артикулируется националистической частью политического спектра. Националисты обвиняют правительство в том, что оно поддается давлению со стороны Запада, и это, среди прочего, выражается в слишком мягкой политике в отношении мигрантов и неславянских меньшинств. Популярность подобных лозунгов довольно высока, и существует вполне реальная возможность формирования мощного демократического движения на платформе антилиберального национализма.

Мое последнее замечание касается спада протестной активности после президентских выборов и кажущего отсутствия перспектив у той части оппозиционного движения, которая продолжает устраивать уличные акции. Подобного развития событий следовало ожидать, и оно совсем не делает задачу изучения российского политического ландшафта менее неотложной. Даже если предсказания некоторых экспертов о грядущей в течение ближайшего года или двух новой волне протестов не оправдаются, непреложным фактом остается то, что Россия вступила в новый этап социально-политического развития. Эпоха, когда Владимир Путин был единственной в стране подлинно политической фигурой, миновала безвозвратно. Политическая система будет обретать динамику и более четкую структуру. В этих условиях при разработке планов на будущее уже невозможно опираться лишь на кремлинологические догадки. Необходим более широкий спектр подходов, от количественной социологии до анализа дискурсов и идентичности, если мы действительно хотим понять, что же происходит в российской политике.